
ЛЕСТНИЦА
К ЧУЖОЙ
ЖИЗНИ
ии
Николай Серебров

Николай Серебров
Лестница к чужой жизни

https://litres.ru/74873877
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то вы выбрали не ту дверь — или только боитесь, что так? Илья давно живёт на автопилоте: работа, дом, одинаковые утра. Однажды в подъезде он находит лестницу, которой не было, и двери в альтернативные версии своей судьбы. Там он смелее, успешнее, ближе к мечте. Но у каждой «лучшей» жизни есть цена.

Путешествуя по чужим вариантам, Илья учится отличать настоящее желание от зависти, не превращать сожаление в наказание и видеть за тревогой следующий посильный шаг. Поддержка близких не решит за него, а осознанный выбор не гарантирует успеха — зато позволит жить в согласии со своими ценностями.

«Лестница к чужой жизни» — история для тех, кто сравнивает себя с другими, боится перемен или считает, что уже опоздал. Свою судьбу не нужно выбирать целиком: достаточно найти ступеньку, на которую готов встать сегодня.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Человек, который жил на автопилоте 5
Лестница между этажами 15
Первая дверь: жизнь без страха 24
Чужое счастье с моим лицом 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Николай Серебров
Лестница к чужой жизни

Лестница к чужой жизни

Николай Серебров

Человек, который жил на автопилоте

Будильник зазвонил в 6:40, но Илья уже не спал. Он лежал на спине и смотрел, как в потолке над кроватью проступает тонкая серая полоска рассвета. Телефон вибрировал на тумбочке. Илья выключил его, встал и заправил кровать так, как заправлял каждое утро: потянул одеяло к изголовью, разгладил ладонью складку, которую все равно никто не увидит.

На кухне его ждали вчерашняя чашка, кофемашина и магнит с расписанием вывоза мусора. Кофе получился крепче обычного. Илья выпил его стоя, листая новости, и не заметил, что поставил чашку в раковину, а не в посудомойку. Потом надел темно-синюю куртку, проверил ключи и вышел.

У лифта он нажал кнопку. На табло медленно загорелся этаж ниже. Илья знал, что лифт будет ехать долго, но все равно ждал. На стене рядом висело объявление о собрании жильцов, пожелтевшее по краям. Он видел его каждое утро уже неделю и каждый раз думал, что надо прочитать. Сегодня прочитал. Собрание назначили на прошлый четверг.

Внизу он свернул направо, прошел мимо цветочного киоска, затем мимо аптеки с яркой зеленой вывеской и остановки, где всегда стояла женщина в красной шапке. Оттуда маршрут до офиса был почти прямым: два светофора, пере-

ход под железной дорогой, кофе в бумажном стакане, турникет. Когда-то Илья менял дорогу, если не спешил. Теперь он не помнил, когда в последний раз не спешил.

В офисе его поздравили сразу после того, как он снял куртку.

— С днем рождения, Илья! — крикнул Женя из соседнего ряда. — Тридцать четыре, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Пока.

В отделе засмеялись. На столе Ильи появилась маленькая коробка с пирожными. Коллеги заказали их заранее и даже не забыли про свечку. Он был им благодарен. Женя, с которым они часто обедали, уже открыл календарь на телефоне.

— Сегодня вечером идем в «Север». Ты с нами, как обычно?

— Конечно, — сказал Илья.

Ответ выскочил раньше, чем он успел подумать. Женя кивнул и занялся рассылкой приглашения. Илья открыл почту.

На экране всплыло напоминание: «Марина. Обсудить внутренний конкурс». Он создал его еще в прошлом месяце, после того как увидел объявление о вакансии в команде клиентских исследований. Там изучали, почему люди выбирают одни услуги, а от других отказываются. Работа казалась ему интересной. Не потому, что обещала новую жизнь, а потому, что в ней, вероятно, пришлось бы задавать вопросы и искать ответы, а не только сводить цифры в таблицы.

Илья закрыл напоминание.

До обеда он разобрал почту, поправил отчет и помог новому сотруднику найти ошибку в формуле. Это у него получалось хорошо. Когда-то он любил такую работу: обнаружить неточность, понять, откуда она взялась, объяснить другим. Теперь большую часть дня он проверял данные, которые уже проверял вчера, и обновлял таблицы, которые завтра снова придется обновлять.

Марина остановилась у его стола с кружкой чая.

— Ты видел, что в исследованиях открывается место?

— Видел.

— Хотел поговорить? Я могу познакомить тебя с руководителем команды.

Илья посмотрел на напоминание в углу экрана и почувствовал знакомое желание улыбнуться, сказать что-нибудь разумное и отложить разговор до времени, когда он будет подготовлен лучше.

— Давай после квартального закрытия, — ответил он. — Сейчас здесь аврал.

Марина не стала спорить. Только приподняла бровь.

— Ты говорил то же самое после прошлого квартального закрытия.

— Значит, я последователен.

Она улыбнулась, но Илья заметил, что в этой улыбке есть и жалость, и уважение. Он не был плохим сотрудником. На него можно было положиться. Возможно, именно поэтому

все, включая его самого, считали, что он справится с тем же самым еще немного.

В 14:17 зазвонил телефон. На экране высветилось: «Вера». Илья посмотрел на имя и нажал боковую кнопку, чтобы заглушить звонок. Он был на совещании. Так объяснил он себе, хотя совещание уже закончилось, а телефон лежал у него в руке. Через минуту пришло сообщение: «Позвони, когда освободишься».

Он положил телефон экраном вниз.

Вечером коллеги повели его в ресторан. Женя заказал его любимую пиццу, Лена принесла смешную бумажную корону, которую Илья надел ради общей фотографии. Его спрашивали о планах, желали путешествий и повышения. Он смеялся, рассказывал историю о сломанном принтере и ощущал, что люди вокруг действительно рады за него. Они были хорошими людьми. Он тоже их любил — по-своему, как любят тех, с кем делишь обеды, дедлайны и ежегодные простуды.

— За Илью, — поднял бокал Женя. — Чтобы в новом году жизни он наконец взял отпуск.

— Поддерживаю, — сказала Лена. — И чтобы перестал отвечать на рабочие письма в воскресенье.

— Я не отвечаю в воскресенье, — возразил Илья.

— Ты присылаешь их в субботу ночью, — напомнила она.

Все рассмеялись. Илья тоже. Он хотел сказать что-нибудь про то, что отпуск запланирован, но не смог придумать, ко-

гда именно. Вместо этого произнес:

— За отпуск. Когда-нибудь.

Слова повисли между тарелками и бокалами. Никто не придал им значения. Только Илья услышал в них что-то знакомое, почти чужое. Как будто он повторил фразу, которую давно слышал от самого себя.

Домой он вернулся после десяти. В подъезде пахло влажным бетоном и чьим-то ужином с чесноком. Он поднялся на лифте, вошел в квартиру и оставил ключи в миске у двери. На столе лежала коробка с оставшимся пирожным. Он снял куртку, поставил чайник и увидел пропущенный звонок от Веры.

Потом сел на край стула и набрал ее номер.

— Привет, — ответила сестра. — С днем рождения. Я уже решила, что ты там стал важным человеком.

— Важным — нет. Занятым — да. Прости, я увидел звонок.

— Ничего страшного. Хотела спросить, не хочешь ли завтра поужинать у меня. Я испекла пирог. Слишком большой для одного человека, а соседям я его отдавать не хочу. Они опять будут говорить, что я кладу много корицы.

— Хочу, — сказал Илья.

Он помолчал. Обычно дальше следовало: «Только давай как-нибудь» или «Я посмотрю по графику». Он даже почувствовал, как готовится эта удобная фраза.

— Во сколько тебе удобно? — спросил он вместо этого.

Вера назвала время. Илья открыл календарь и внес встречу, пока они еще говорили.

— Записал, — сказал он.

— Вот теперь верю.

Они обсудили работу Веры, их отца и соседский ремонт, который уже месяц начинался каждый день ровно в восемь утра. Разговор был обычным, теплым и не требовал ничего, кроме внимания. Когда они попрощались, Илья еще немного посидел в тишине. Потом достал из ящика блокнот, купленный когда-то для планирования целей. В нем было заполнено три страницы, а дальше — чистые листы.

Он открыл новую страницу и сверху написал: «Три решения на автопилоте».

Подумал и добавил ниже: «Что сегодня выбрал я, а с чем согласился по привычке или из страха нарушить чужие ожидания».

Перо ручки сначала не оставляло следа. Илья провел им по бумаге еще раз.

Первое: «Пошел привычной дорогой». Он увидел перед собой утренний путь, который прошел почти не замечая. Цветочный киоск. Аптека. Переход. Кофе. Он вспомнил небольшой сквер в двух кварталах от дома. Там росли старые липы, а дорожка вела к другой остановке. Он проходил мимо него редко, хотя дорога занимала всего на семь минут больше.

Вместо привычного маршрута ему хотелось иногда идти

через сквер. Не ради спорта, пользы или нового расписания. Просто чтобы увидеть, как выглядит утро в другом месте.

Второе: «Согласился на ужин, потому что спросили». Он посмотрел на пустую коробку из ресторана. Вечер оказался хорошим. Он не хотел перечеркивать его или обвинять Женю в том, что тот позвал друзей. Дело было не в самом ужине. Дело было в мгновенном «конечно», которое не оставило места даже для вопроса: «А чего хочу я?» В свой день рождения он хотел провести часть вечера с Верой. Ему хотелось поговорить с ней без спешки. Он понял это только после того, как сделал противоположный выбор.

Третье: «Отложил разговор с Мариной». Здесь ручка снова задержалась. Илья написал, что хочет поговорить о переходе в команду исследований. Не увольняться завтра. Не перевернуть жизнь одним решением. Просто узнать, как выглядит работа изнутри, что от него потребуется и есть ли у него подходящие навыки. Он много раз представлял, как задает эти вопросы, а потом находил причину не задавать их.

Рядом с каждым пунктом он поставил два маленьких слова: «вместо этого». Через несколько минут страница выглядела не как план новой жизни, а как список трех небольших дверей, мимо которых он проходил, не поднимая глаз.

Илья отложил ручку. Никакого просветления не случилось. Квартира оставалась той же: чашка в раковине, куртка на стуле, батарея, щелкавшая при нагреве. За окном мигал светофор. На столе лежал телефон, а в календаре стояла за-

пись о разговоре с сестрой.

Но возникло непривычное чувство: он не просто провел день. Он впервые за долгое время увидел, из каких решений тот состоял.

Он не знал, почему автоматически выбирал знакомое. Наверное, потому, что знакомое редко подводит. Дорога была проверенной. Работа давала зарплату. Согласие спасало от неловкого отказа. Если ничего не менять, не придется ошибаться, объясняться и выяснять, что за поворотом может оказаться вовсе не то, чего ждал.

Такая осторожность когда-то помогала ему. Она поддерживала порядок, когда вокруг было много неопределенности. Только со временем Илья перестал замечать, что порядок сохраняется за счет его собственного участия. Он продолжал ехать по знакомому маршруту, будто кто-то другой уже выбрал направление.

В 23:41 в подъезде раздался шаг.

Илья поднял голову. Сначала он решил, что хлопнула дверь лифта. Потом услышал еще один звук: медленный, отчетливый стук подошвы по каменной ступени. Илья посмотрел на часы. Соседи иногда возвращались поздно, но шаги в их подъезде всегда отдавались эхом, которое он научился узнавать. Эти звучали иначе. Будто человек шел осторожно, прислушиваясь.

Илья встал и вышел в коридор. Шаги стихли.

Он открыл входную дверь. На площадке горела лампа с

желтоватым светом. Лифт стоял на первом этаже. Никого не было. Илья постоял, ожидая, что кто-нибудь появится снизу или сверху, но подъезд молчал.

Он уже собрался вернуться, когда услышал этот звук снова. На этот раз ближе. Один шаг, затем пауза.

Илья пошел по лестнице вверх. Между его этажом и следующим находилась обычная площадка с серыми стенами, почтовым ящиком без дверцы и окном во двор. Он знал ее давно. На этой лестнице он однажды помогал соседу заносить шкаф и искал потерянные ключи, когда лифт встал на ремонте. Стену напротив окна он помнил голой.

Теперь в ней была дверь.

Она была узкой и темно-серой, почти в цвет штукатурки. На ней не было номера или таблички. Старомодная латунная ручка тускло поблескивала, словно ее трогали много раз. Илья остановился на ступеньку ниже.

Он посмотрел на дверь, потом на окно, потом снова на дверь. Не хватало какой-то детали, которая помогла бы объяснить увиденное. Например, объявления о ремонте. Запах свежей краски. Замка с наклейкой аварийной службы. Но ничего этого не было.

Илья знал, что двери здесь раньше не было.

Из-за нее донесся еще один шаг. Медленный. Тяжелый. Как будто кто-то поднимался по лестнице с другой стороны.

Илья не двинулся. Внизу едва слышно гудел лифт, за стеной щелкнула труба отопления. Он протянул руку к латун-

ной ручке и остановился, не коснувшись ее.

За дверью раздался следующий шаг. Теперь он был совсем близко.

Лестница между этажами

Он все-таки повернул ручку.

Латунь оказалась такой холодной, будто дверь выходила не на лестничную площадку, а на улицу. Замок щелкнул без усилия. Илья замер, ожидая, что за дверью кто-нибудь скажет: «Кто там?» или хотя бы отодвинет цепочку.

Ничего.

Он потянул на себя.

Дверь отворилась внутрь, и в лицо ему дохнуло запахом сырой штукатурки и свежей краски. Илья невольно отступил на полшага. За дверью не было ни квартиры, ни мусоропровода, ни технического коридора. Там находилась площадка — маленькая, тесная, словно забытая строителями в промежутке между двумя привычными этажами.

Над головой горела лампочка в металлической клетке. Она не просто светила, а тихо гудела, временами потрескивая. Свет получался мутным, желтоватым. На стенах лежала свежая краска, но местами из-под нее проступали темные пятна старой сырости. Справа начинался короткий лестничный пролет. Слева вдоль стены тянулся металлический поручень. А напротив стояла еще одна дверь — коричневая, без номера и глазка.

Илья оглянулся.

Серая дверь, через которую он вошел, по-прежнему от-

крывалась на знакомую лестничную клетку. На стене ниже виднелась табличка с цифрой четыре. Вверх уходели ступени к пятому этажу. Окно было на месте. Труба отопления тоже. Все знакомое, все обычное, все слегка обшарпанное, как и всегда.

Только между этажами теперь помещалась целая площадка.

— Ты устал, — сказал Илья вслух.

Голос прозвучал негромко и сразу стал чужим. Он прислушался. Где-то в доме звякнул лифт. По трубе прошел короткий металлический стук. Из-за коричневой двери ничего не доносилось.

Усталость была разумным объяснением. Последние недели он спал урывками, задерживался на работе, забывал, зачем открыл холодильник. Можно было представить, что он не заметил эту дверь раньше. Или что ее поставили во время ремонта, когда лифт не работал, а он, торопясь с пакетами, просто прошел мимо.

Но запах свежей краски не объяснял отсутствия строительного мусора. А новую дверь между четвертым и пятым этажами он наверняка бы заметил.

Илья посмотрел на телефон. 21:17, 3 марта 2026 года. Никаких сообщений от управляющей компании о ремонте. Он проверил не потому, что ждал от телефона ответа, а потому, что цифры на экране были простыми и надежными. Они не менялись, если смотреть на них дольше.

«Факт: я нахожусь на лестнице между четвертым и пятым этажами», — произнес он мысленно.

Потом поправил себя:

«Факт: я вижу табличку с цифрой четыре и лестничный пролет вверх. Я считаю, что он ведет на пятый».

Разница была небольшой, почти смешной. Но от нее стало легче. Первое утверждение уже содержало вывод. Второе описывало то, что действительно находилось перед глазами.

Илья переступил порог. Подошва коснулась серой плитки, на которой не было ни пыли, ни следов. Он оглянулся еще раз, чтобы убедиться, что дверь за его спиной не исчезла. Она оставалась открытой. Обычная лестничная клетка тоже оставалась на месте.

— Только посмотреть, — сказал он себе. — Не входить.

Коричневая дверь напротив была приоткрыта на толщину пальца. Из щели тянуло теплом и чем-то знакомым: кофе, пылью от книг, сухим древесным запахом старой мебели. Илья почувствовал, как внимание само собой сдвинулось к ней. Страх требовал отступить. Любопытство задавало вопрос: что там?

Он заметил это различие и не стал сразу принимать сторону ни одного из голосов.

Страх не был глупостью. Если за дверью незнакомый человек, если там провал или запертое помещение, осторожность пригодится. Но любопытство тоже не было безрассудством. Оно не толкало его внутрь, а просило взглянуть точ-

нее.

Илья подошел к двери. Поручень под ладонью был холодным и чуть влажным. Он провел пальцами по металлу и услышал, как лампочка над ним коротко затрещала.

— Кто-нибудь есть? — спросил он.

Ответа не последовало. Илья подождал, сосчитал до пяти и осторожно коснулся коричневой двери. Та открылась еще на несколько сантиметров.

Первым он увидел коврик в прихожей.

Синий, с вытертым углом, загнутым к стене. Такой же лежал у его двери на пятом этаже. Потом появилась узкая полка для обуви, деревянная вешалка с двумя крючками, белая стена с тонкой трещиной возле выключателя. Илья знал эту трещину. Она начиналась у самой рамы и уходила вниз, словно кто-то однажды неудачно передвинул шкаф.

Он не переступил порог.

В глубине коридора горел свет. Дверь в кухню была открыта. На стене висел календарь. Отсюда Илья не мог прочесть мелкие подписи, но крупные цифры разобрал сразу: «17 сентября 2029». Он достал телефон и снова посмотрел на экран. 3 марта 2026 года.

Между датами лежало больше трех лет.

На узкой полке в прихожей стояла фотография в темной деревянной рамке. Илья наклонился, не отпуская дверь. Снимок был сделан на берегу, на ярком ветру. На переднем плане стояли мужчина и женщина. Женщину он не узнал.

Мужчина был похож на него настолько, что Илья первым делом поискал отличия: чуть длиннее волосы, тонкая складка у левого глаза, светлая рубашка, которой он никогда не владел. Но лицо было его. Не похожее, не случайно напоминающее, а его — с тем же широким лбом и чуть неровной линией подбородка.

И все же фотография могла быть чужой. В доме жили десятки людей. Совпадения случались. Кто-то мог быть похожим на него. Календарь мог оказаться старым, перевернутым или просто частью декора. Знакомая прихожая могла быть устроена похожим образом.

Илья перечислил объяснения и понял, что каждое из них звучит правдоподобно ровно до того момента, пока не нужно собрать их вместе.

Внутри квартиры тихо тикали часы.

На секунду ему почудилось, что из кухни донесся звук передвинутой чашки. Илья отшатнулся. Дверь качнулась, но не закрылась. В щель по-прежнему был виден коврик с вытертым углом, а за ним — чужой, знакомый коридор.

Он мог распахнуть дверь шире. Мог войти и проверить, лежат ли в шкафу его книги, стоит ли на кухне его чашка, заперта ли балконная дверь. Каждая такая проверка обещала новый ответ. Но вместе с ответами могли появиться новые вопросы. А правило «пока не знаю, можно ли вернуться, не захожу» казалось ему вполне разумным.

Не мужественным. Не трусливым. Просто разумным.

Илья потянул дверь на себя. Она поддалась без скрипа. В последний момент он успел заметить на календаре красный кружок вокруг семнадцатого числа. Потом дверь закрылась. Замок не щелкнул.

Он постоял, прислушиваясь. Квартира за дверью молчала.

На площадке гудела лампочка. Серая дверь вела назад к обычным ступеням. Если Илья уходил, он терял возможность снова посмотреть внутрь. Если оставался, ему предстояло решить, что делать с увиденным. Он достал из кармана небольшой блокнот, в котором иногда записывал рабочие дела, и нашел чистую страницу.

Вверху написал: «Наблюдения». Ниже провел две вертикальные линии, разделив страницу на три столбца. В первом вывел: «Факты». Во втором: «Предположения». В третьем: «Вопросы».

Он не привык так поступать. Обычно мысль приходила уже вместе с готовым выводом: «Я все перепутал», «Показалось», «Это невозможно». Потом вывод становился тверже и вытеснял то, с чего все началось. Сейчас Илья попробовал задержать это мгновение — не позволить догадке притвориться фактом.

В первый столбец он записал: «В стене лестничной клетки появилась серая дверь. Я не помню ее раньше». Подумал и добавил: «Из-за двери слышал шаги». После паузы дописал: «За серой дверью находится площадка с лампой и коричневой дверью без номера».

В «Предположения» отправились усталость, ремонт, общая квартира с похожей планировкой, ошибка восприятия. В «Вопросы» — почему лестница не совпадает с привычной схемой и почему на фотографии человек так похож на него.

Илья перечитал написанное. Слова не объясняли дверь. Зато теперь рядом с ней помещалось несколько возможных версий, и ни одна не могла захватить всю страницу.

Он почувствовал себя немного спокойнее. Не потому, что перестал бояться, а потому, что не обязан был немедленно верить страху или спорить с ним. Можно было сначала посмотреть.

— Хорошо, — сказал он, убирая блокнот. — Я видел это. Этого достаточно на сегодня.

Он направился к серой двери, но перед самой ручкой снова остановился. Металлический поручень уходил вдоль стены к короткому пролету. На поверхности, где краска слезла тонкими островками, что-то темнело. Илья наклонился.

Сначала ему показалось, что это царапины. Потом он различил буквы. Кто-то нацарапал их неглубоко, будто торопился и не хотел повредить краску:

«Не выбирай за страх».

Илья провел по надписи пальцем. Царапины были настоящими. Края букв цеплялись за кожу.

Он знал этот почерк. Не просто наклон вправо, не просто привычное соединение букв. Первая буква «Н» начиналась с длинного росчерка, а у «й» последняя черта уходила чуть

выше строки. Так писал он сам. Так выглядели его записи в блокноте.

Илья раскрыл страницу, которую только что заполнил. Сравнил. Потом еще раз посмотрел на поручень.

«Факт: надпись существует», — записал он.

«Предположение: ее оставил я».

Вопрос он пока не сформулировал. Вопросы, как он начинал понимать, полезно было оставлять открытыми, если на них не находилось честного ответа.

На обычной лестнице за серой дверью кто-то кашлянул. Илья обернулся. За стеклом окна лежал черный двор. Лифт гудел в шахте. Дом делал привычные ночные звуки, и каждый из них возвращал вещи на место. Почти.

Илья открыл серую дверь и вышел на знакомый пролет. На мгновение ему показалось, что там, где только что была дверь, теперь сплошная стена. Он моргнул. Серая дверь оставалась за спиной, чуть приоткрытая. В глубине по-прежнему горела желтоватая лампа.

Он не захлопнул ее. Только осторожно прикрыл, оставив узкую щель.

На пятом этаже Илья остановился перед своей квартирой. Ключи лежали в кармане, как и должны были. Он вставил один в замок, но не повернул. За собственной дверью были привычные вещи, привычная тишина и жизнь, которую он умел объяснять. За другой — та же прихожая, другая дата и фотография его самого, которого он не знал.

Вернувшись к лестнице, Илья снова открыл блокнот. Под тремя столбцами, отдельно от фактов, предположений и вопросов, написал одну строку:

«Завтра вернуться и посмотреть еще раз».

На этот раз это было не обещание ворваться внутрь. И не попытка убедить себя, что ничего не случилось. Это был следующий шаг, достаточно маленький, чтобы его можно было выбрать.

За серой дверью тихо загудела лампа.

Илья закрыл блокнот, но не убрал его. Он еще не знал, что находится за дверью без номера. Зато впервые за долгое время знал, чего не хочет делать: позволять страху принять решение за него.

Первая дверь: жизнь без страха

На следующий вечер Илья вернулся к лестнице с блокнотом в одной руке и телефоном в другой. Телефон он взял не потому, что собирался кому-то звонить. Просто решил не прятать его в карман: пусть будет под рукой, как вещь, которая может понадобиться, даже если пока непонятно зачем.

Лампочка за серой дверью снова гудела. На этот раз тише, словно устала ждать.

Илья остановился на площадке. Он уже знал, что дверь без номера существует. Знал, что за ней можно увидеть не чужого человека, а себя. Это были факты. А вот что находилось по ту сторону сегодня, он не знал. И что эта встреча с ним сделает, тоже не знал.

В блокноте он написал:

«Факт: вчера я оставил дверь приоткрытой.

Предположение: за ней та же жизнь.

Вопрос: могу ли я войти и выйти, когда захочу?»

Последний вопрос показался важнее первых двух. Илья прислушался. За дверью гудела лампа, больше ничего. Он коснулся ручки, и металл оказался теплым.

— Я только посмотрю, — сказал он вслух.

Голос прозвучал неуверенно, но этого оказалось достаточно. Он повернул ручку.

Дверь подалась не сразу. Сначала внутри что-то щелкну-

ло, потом из щели пахнуло дождем, горячим чаем и незнакомым помещением. Илья толкнул ее плечом.

За порогом была прихожая, очень похожая на его собственную. Те же узкие стены, тот же прямоугольник зеркала, даже похожая вмятина на плинтусе у двери. Но в зеркале за его спиной не было лестничной клетки. Там темнело окно, за которым горели незнакомые огни. В прихожей стояли ботинки, мокрые по краям, и раскрытый зонт.

На стене висела фотография.

Илья узнал себя сразу. На снимке он стоял рядом с Леной у картонных коробок, улыбался широко, почти беззащитно. Лена прижалась к его плечу и держала в руках две чашки. На одной из коробок черным маркером было написано: «Кухня». Снимок был датирован двенадцатью годами раньше.

— Ты все-таки пришел, — сказал кто-то из комнаты.

Илья обернулся.

Мужчина у стола был похож на него настолько, что сходство переставало быть интересным и становилось тревожным. То же лицо, тот же тяжелый подбородок, те же чуть разные брови. Только у этого Ильи серебрились виски, а в складках у глаз было что-то спокойное, не мягкое, а выученное. Он не выглядел ни счастливее, ни удачливее. Просто занимал в комнате свое место без желания извиниться за то, что существует.

На столе стояла кружка с отколотой ручкой. Рядом лежали ключи, квитанции и письмо с логотипом компании.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Илья.

— Догадался.

— По фотографии?

— По тому, как ты держишь плечи. Так держится человек, который еще не решил, имеет ли право войти.

Двойник кивнул на стул. Илья не сел.

— Это Екатеринбург? — спросил он, глядя в окно. Из комнаты виднелся край вечернего неба и длинная полоса огней.

— Да. Я здесь живу.

— Ты переехал.

— Двенадцать лет назад.

В комнате тихо тикали часы. Илья посмотрел на фотографию еще раз. Лена на ней смеялась, запрокинув голову. На его собственной памяти ее смех звучал иначе: сдержаннее, будто она заранее проверяла, не станет ли слишком громко.

— Ты согласился на работу, — сказал он.

— Согласился.

— И на отношения?

Двойник подвинул к себе кружку.

— А ты так формулируешь, будто это одно и то же предложение.

— Мне казалось, что если уеду, все развалится. А если останусь, то хотя бы ничего не изменится.

— Изменится все равно, — сказал другой Илья. — Только иногда без твоего участия.

Он произнес это без укора. Илья заметил, что именно отсутствие укора задевает сильнее.

— Что ты тогда сделал?

— Начальник предложил мне возглавить небольшую группу в филиале. Я хотел эту работу. И боялся, что не справлюсь. Боялся оказаться в городе, где никого не знаю, и через полгода вернуться с пустыми руками. Лена тогда спросила, собираемся ли мы вообще быть вместе по-настоящему. Я тоже хотел этого. И тоже боялся.

— И ты сказал «да» обоим?

— Сказал: «Я хочу попробовать. Но мне страшно». Это были разные разговоры, в разные дни. И в обоих я перестал делать вид, будто отсутствие решения — это нейтральный вариант.

Илья невольно усмехнулся.

— Звучит так, будто все сложилось.

— Нет. — Двойник поднял глаза. — Я не хочу, чтобы ты решил, будто за дверью лежит инструкция к счастливой жизни.

Он говорил просто, но Илья услышал в этих словах предупреждение.

— Я ошибся на работе, — продолжил двойник. — В первый год провалил проект, который обещал закончить за три месяца. Потом пришлось объяснять это людям, которые доверились моим срокам. Я плохо спал, считал деньги и злился на себя так, словно это могло что-нибудь исправить. Лена

переехала не сразу. Мы почти год жили на расстоянии и научились ссориться по телефону. Потом прожили вместе семь лет. А потом расстались.

Илья перевел взгляд на фотографию.

— Почему?

— Не по одной причине. Мы менялись в разные стороны. Какое-то время старались не замечать. Потом перестали справляться. Было больно. Я уехал из той квартиры, оставил часть вещей, два месяца ел что придется и не мог решить, какую лампу купить в новую комнату. Пришлось начинать заново.

Он показал на кружку с отколотой ручкой.

— Это оттуда?

— Она была у нас в первой квартире. Лена забыла ее у меня после переезда. Я оставил. Не как памятник. Просто нормальная кружка.

Илья подумал о своей кухне. О чашках, расставленных так, чтобы ни одна не выдавала, как давно он живет один. О пустом стуле, который он называл запасным, хотя гостей почти не приглашал.

— Значит, ты все равно ее потерял.

— Да.

— Тогда в чем разница?

Двойник задумался, провел пальцем по сколу на кружке.

— В том, что я потерял не выдуманную жизнь, которая могла бы быть. Я прожил настоящую. Не всегда хорошо. Не

навсегда. Но прожил. Когда мы расстались, мне пришлось оплакать не только будущее, которое я себе представлял, но и прошлое, в котором было много хорошего. Это тяжело. Но иначе.

Илья сел. Ноги вдруг показались тяжелыми, как после долгой ходьбы.

— Ты не боялся?

— Боялся. Перед переездом я трижды собирал чемодан и трижды разбирал. В день отъезда забыл паспорт и чуть не опоздал на поезд. Лена плакала в вокзальном кафе, а я делал вид, что очень внимательно изучаю расписание. — Двойник пожал плечами. — Я не стал бесстрашным. Просто однажды понял, что страх не обязан исчезнуть, прежде чем я что-то сделаю.

— А как понять, когда стоит действовать, а когда лучше остановиться? Страх ведь иногда о чем-то предупреждает.

— Конечно. Он не всегда враг. Иногда он указывает на реальную опасность. Но иногда просто кричит, потому что впереди неизвестность. Я не выключал страх. Я старался выяснить, о чем именно он кричит.

Илья достал блокнот. Страницы пошуршали в тихой комнате.

— У меня есть один разговор, который я откладываю.

— Ты уже знаешь, с кем.

Илья посмотрел на телефон. На экране все еще висело старое сообщение Лены. Она написала его пять месяцев на-

зад: «Я буду в городе в конце месяца. Если ты когда-нибудь захочешь спокойно поговорить, дай знать». Он прочитал тогда, набрал ответ, удалил. Через неделю убедил себя, что отвечать поздно. Потом прошло еще несколько недель, и теперь молчание казалось самостоятельным решением, хотя он его так и не принимал.

— Чего ты боишься? — спросил двойник.

Илья не ответил сразу. За окном проехала машина, свет фар скользнул по потолку и исчез.

— Что она скажет, что давно все закончено. Что я узнаю, что у нее другая жизнь и места для меня там нет. Или что она захочет попробовать снова, а я не смогу дать ей то, чего она заслуживает. И еще боюсь, что окажется: я просто придумал для себя причину молчать.

— Хорошо. Теперь второй вопрос.

— Насколько вероятен худший исход?

— Не знаю. Возможно, она не захочет встречаться. Возможно, скажет что-то болезненное. Но пока я не знаю даже, чего именно она хочет. Я взял самый страшный вариант и поставил его на место единственного.

Двойник кивнул.

— Это не значит, что худшего не случится. Это значит, что возможность не равна вероятности. Что еще?

Илья записал ответ. Потом повернул страницу и написал следующий вопрос:

«Что я потеряю, если ничего не изменю?»

Ответ не пришел сразу. Он знал эту потерю, но всегда называл ее осторожнее: «не буду нарушать чужие границы», «не стану возвращаться к прошлому», «подожду подходящего момента».

— Я продолжу додумывать за нее, — сказал он наконец. — Буду жить с версией разговора, которого не было. И снова выдам молчание за выбор.

Двойник ничего не сказал. Только сдвинул кружку к краю стола, освобождая место для блокнота.

— Последний вопрос, — сказал он.

Илья посмотрел на пустую строку.

«Какой безопасный шаг я могу сделать сейчас?»

— Не обещать себе, что я все исправлю. Не просить ее вернуться. Не писать длинное признание в два часа ночи.

— Это уже три решения, которых ты не обязан принимать прямо сейчас.

Илья выдохнул. Он хотел спросить, что сделал бы другой Илья, но понял, что тот не ответит. И хорошо. Если бы ответил, у Ильи появился бы еще один способ переложить выбор на кого-то другого.

— Я могу написать, что получил сообщение и готов встретиться, если предложение еще в силе. Предложить кофе. В людном месте. Без обещаний, что один разговор что-то изменит.

— Похоже на шаг, — сказал двойник. — Он не решает всю твою жизнь. Он только проверяет реальность.

Илья записал фразу в блокнот. На бумаге она выглядела проще, чем в голове.

— Ты жалеешь, что сказал «да»?

Двойник посмотрел в окно. За стеклом зажигались окна чужих квартир, и в каждом, вероятно, кто-то принимал решение позвонить, уйти, вернуться, промолчать.

— Иногда жалею о цене. Но это не то же самое, что сожалеть о выборе. Я не могу сказать, что моя жизнь лучше твоей. Я могу сказать только, что за эту я отвечал сам.

Илья закрыл блокнот.

— А если я напишу, а она не ответит?

— Тогда ты узнаешь, что она не ответила. Не то, почему. Не то, что она думала все эти годы. Только это.

Он поднялся. Теперь стул не казался таким удобным, чтобы на нем можно было отсидеться от собственной жизни.

— Я думал, ты расскажешь мне, что там, — сказал Илья. — На другой стороне решения.

— Рассказать могу. Выбрать за тебя — нет.

До двери он дошел без спешки. В прихожей задержался перед фотографией. На снимке он и Лена стояли рядом с коробками, а за ними виднелась пустая стена новой квартиры. У них не было мебели, расписания и уверенности, что все получится. Но на фотографии они уже оказались там, куда сами себя привезли.

— Ты счастлив? — спросил Илья.

— Бывает, — ответил двойник. — А ты?

Илья хотел сказать, что не знает. Потом понял, что это неправда: он знал отдельные минуты счастья, просто давно перестал считать их доказательством чего-либо.

— Бывает, — сказал он.

— Тогда начни с того, что у тебя есть.

Дверь закрылась за его спиной мягко, без хлопка. На лестнице пахло пылью и холодным камнем. Никакой музыки, никаких голосов из другого мира. Только лампа под потолком гудела, как прежде.

Илья достал телефон. Пальцы были холодными, хотя на другой стороне он провел не больше получаса. Он открыл переписку с Леной. Старое сообщение оставалось на экране, такое же короткое и такое же неопределенное, как в первый день.

Он набрал:

«Лена, привет. Я увидел твое сообщение и долго не отвечал, потому что боялся этого разговора. Если твое предложение еще в силе, я готов встретиться и спокойно поговорить. Давай выпьем кофе. Если ты уже передумала, я пойму».

Илья перечитал текст. Удалил слова «потому что боялся», затем вернул. Убрал «спокойно», снова добавил. В конце хотел написать: «Ничего не жду», но не написал. Это было бы неправдой, а он устал прятать правду в удобных формулировках.

Он нажал «отправить».

Сообщение ушло. На экране появилась отметка о достав-

ке. Ответа не было.

Илья убрал телефон в карман. Страх не исчез. В груди по-прежнему теснило, а ладонь, державшая блокнот, вспотела. Ничего не стало проще, кроме одного: решение больше не принималось за него молчанием.

Он поднялся на несколько ступеней и остановился. Выше, над знакомой площадкой, темнел еще один пролет, которого он раньше не замечал. У самой стены виднелась дверь, а под ней лежала узкая полоса теплого света. Илья не стал подходить. Пока ему было достаточно знать, что лестница продолжается.

На этот раз он не принял свет за обещание. Но и не отвернулся.

Чужое счастье с моим лицом

Илья поднялся еще на один пролет.

Лестница сужалась, будто дом наверху переставал быть общим и становился чьим-то личным воспоминанием. На площадке стояли две двери. Первая — металлическая, с облупившейся краской и потемневшим номером. Вторая — деревянная, темная, почти гладкая. Из-под нее струился теплый свет.

Илья остановился перед первой. На секунду ему захотелось постучать и проверить, что за ней. Но он знал, что это любопытство, а не выбор. К деревянной двери он подошел медленнее. Приложил ладонь к панели. Та была теплой, словно внутри горел не свет, а целый день.

За дверью звякнула посуда. Кто-то засмеялся. Потом тонкий голос произнес:

— Пап, ты опять сделал яйцо каменным.

Илья убрал руку.

Голос был обычный, детский, чуть обиженный. Именно поэтому он ударил сильнее любого чуда. За дверью не сияла сказка. Там завтракали. Там кому-то не нравилась яичница.

Он постучал.

— Открыто, — отозвался мужской голос.

Илья нажал на ручку.

Кухня оказалась просторной, залитой утренним солнцем.

Широкое окно выходило на крыши соседних домов; на подоконнике стояли горшки с базиликом и маленький кактус в чашке. Длинный стол был покрыт хлебными крошками и карандашными рисунками. На холодильнике магнитами держались детские листы: красный дом, зеленое солнце, три человечка с длинными руками. Под столом валялась розовая кукольная туфля.

Илья знал эту кухню, хотя никогда в ней не был. В ней было много воздуха. Не только между стенами — в самой жизни. Здесь, казалось, хватало места для чужих ботинок у входа, для разговоров, которые продолжаются после ужина, для того, чтобы однажды утром обнаружить на стуле незнакомую куртку и не считать это вторжением.

За столом сидел мужчина с лицом Ильи.

Он был чуть полнее, чем Илья, и волосы у него начинали седеть у висков. Но сходство не оставляло лазеек: та же складка между бровями, тот же нос, та же привычка придерживать чашку двумя пальцами за ручку. Даже улыбался он так, словно сначала хотел убедиться, что имеет на это право.

Рядом девочка лет семи в полосатой пижаме ковыряла вилкой яйцо. Напротив женщина заворачивала в бумагу бутерброд. Она поцеловала девочку в макушку, поставила рядом с ней стакан молока и взглянула на мужчину:

— Только не говори, что сегодня опять забыл забрать рисунок из садика.

— Я не забыл, — сказал двойник. — Я пока не знаю, какой

именно рисунок ты имеешь в виду.

Девочка подняла на него глаза.

— Тот, где я нарисовала тебя с хвостом.

— Значит, я забыл, — признал он.

Они засмеялись. Не громко, не для публики. Просто так, как смеются люди, которые уже не обязаны доказывать друг другу, что им хорошо.

Илья остался у двери. Ему казалось неправильным входить без приглашения, хотя дверь была открыта. Он смотрел на чашки, на смятый уголок салфетки, на руку двойника, лежавшую рядом с детской ладонью. В собственной жизни Илья не раз представлял счастье чем-то большим и ясным: важным событием, смелым решением, новой работой, городом, в котором начнется настоящая жизнь. А здесь счастье сидело за столом в пижаме и требовало не пережаривать яйцо.

Двойник заметил его.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

Женщина тоже обернулась. Взгляд ее задержался на Илье, затем переместился на мужа. На миг в кухне повисла тишина, но девочка уже тянулась за джемом и ничего не заметила.

— Я провожу гостя, — сказал двойник.

— Ты уверен? — спросила женщина. — Ты сегодня почти не спал.

— Уверен.

Она не стала настаивать. Только коснулась его плеча, буд-

то напомнила: я здесь, если что. Потом помогла девочке застегнуть кофту. Та спрыгнула со стула и, проходя мимо Ильи, бросила на него быстрый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.